

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Антиколониальные революции на
Гаити и в Латинской Америке

Французская революция оказалась воистину событием мирового значения. В этом, наверное, нет ничего удивительного, так как с первых дней – с момента написания и обнародования Декларации Прав Человека и Гражданина, революционеры обращались не только к французам, но и ко всему остальному человечеству. Революция, какими бы неопределенными и изменчивыми не были цели ее основных участников, подчеркивала возможность, желательность, а вместе с ними и необходимость кардинальных глобальных перемен. Именно в этом отчасти и заключается причина, подтолкнувшая самых убежденных противников революционной и наполеоновской Франции к широким реформам в своих владениях – проведенными не только с целью повышения эффективности бюрократического аппарата и боеспособности армии, но и для того, чтобы нейтрализовать привлекательность революционного посыла превентивными «полумерами».

В этой лекции, однако, пойдет речь не о стремлениях предупредить революцию, а о настоящих революциях, произошедших в Западной полушарии под непосредственным впечатлением от событий во Франции – а именно, о восстании рабов на Гаити и о войне за Независимость в испанских и португальских колониях. Их объединяло то, что ни на Гаити, ни в колониях Пиренейских монархий господствующее белое население не составляло, как это было в США, демографического большинства. По своему же результату они были в чем-то противоположными: если в Гаити было покончено с присутствием – в том числе и физическим – белых колонистов и власть перешла в руки бывших черных рабов, то в Латинской Америке, элита, вышедшая из рожденного в Америке белого населения (креолов) сменила европейскую элиту. В этом восстания в Испанских колониях, равно, как и бескровное движение к независимости в Бразилии, были схожими с Американской революцией, также приведшей к приобретению «креольской» элиты всей полноты власти.

Давшая начало созданию второго независимого государства в Западной полушарии, революция на Гаити вспыхнула на острове, представлявшем из себя апогей рабовладельческого общества. В именуемой Сан-Доминго французской трети Гаити проживало более полумиллиона человек, из них абсолютное большинство составляли чернокожие рабы из Африки. Оставшееся население состояло из 40 тысяч белых колонистов и небольшого количества освобожденных черных – так называемых афранши (фр. *afranchis* – «освобожденные»). Как и в Южных Штатах США, рабовладельцев среди белого населения было меньшинство; львиную долю белого населения составляли бедные выходцы из Европы, покинувшие континент в поисках новых возможностей. Это было общество со строжайшей иерархией, построенной на принципах собственности и расы: на вершине располагались белые плантаторы, за ними белая беднота, ниже свободные черные, еще ниже, на самом дне – огромная община рабов.

Когда началась революция во французской метрополии, то, несмотря на повсеместный энтузиазм, каждый из вышеперечисленных слоев понимал ее посыл в соответствие со своими, зачастую несовместимыми, интересами. Белые хозяева рабов и сахарных плантаций мечтали о большей автономии, возможно даже независимости наподобие той, что была установлена севернее, в бывших английских колониях менее десяти лет до этого. Малоимущие белые и освобожденные черные жили надеждой приобретения равных с плантаторским истеблишментом прав. Среди рабов же зрели совершенно другие планы – а именно, жажда уничтожения рабовладельческого строя вместе с рабовладельцами и прочими белыми переселенцами. К рабам, однако, являвшимся по своему положению лишенной субъективности собственностью, никто не собирался прислушаться.

За обсуждениями последовали первые стычки, а за стычками летом 1791 года вспыхнуло массовое восстание рабов. Рабы убивали плантаторов, плантаторы же отвечали казнями пойманных рабов. У восставших, как выяснилось, была хорошая организация, обусловленная во многом существованием секретных обществ, и необходимые военные навыки. Вскоре у них появился и лидер – бывший раб Франсуа-Доминик Туссен, по прозвищу «Лувертьюр» (от фр. *L'Ouverture* – «открытие»). Его полководческий талант и поддержка, которую его армия получила от Испании, привели к освобождению колонии от французского господства.

В 1794 году революционная Франция отменила рабство. Результатом этого акта стал переход Туссена на сторону французов. Свои войска он направил на бывших испанских союзников, и вскоре, после ряда побед над колониальными силами, он превратился в хозяина

всего острова. Париж, осознав его авторитет среди чернокожего населения, официально назначил Туссена губернатором Сан-Доминго. Став, таким образом, фактическим правителем непризнанного карибского государства, Туссен попытался восстановить разрушенную войной экономику острова, принудительными мерами заставляя бывших рабов работать на сахарных плантациях.

С приходом Наполеона к власти во французской метрополии, ситуация на острове так же начала меняться. Первоначально Наполеон признавал близкую к абсолютной власть Туссена, но в 1801 году он послал на остров экспедиционный корпус с целью восстановления французской власти и – неофициально – института рабства. Командующему французами Шарлю Леклеру удалось арестовать Туссена Лювертюра и выслать его во Францию, где легендарный лидер восставших вскоре и умер. Несмотря на это, окончательная победа осталась недостижима для французов. Из-за двойной атаки черных повстанцев и страшной тропической лихорадки (похоронившей, кстати, Леклера), корпус буквально растаял. В 1803 году Наполеон, признав фиаско своей колониальной авантюры, продал Луизиану американцам, оставив французов на острове без поддержки. Через год остатки армии были разбиты, и Гаити, теперь под руководством Жан-Жака Дессалина, будущего императора Жака I, обрело независимость.

Покончив с рабством, Гаитянские революционеры попытались создать общество на новых, эгалитарных, основаниях. Это оказалось крайне сложной задачей. Причина тому не в последнюю очередь крылась в зависимости островной экономики от экспорта сахарного тростника. Работа на плантациях была очень трудоемкой, что вынудило правительство молодого государства ввести своеобразную, полувоенную, трудовую повинность. Кроме того, на островитянах тяжелейшим бременем лежала память о трагедиях и лишениях периода рабовладения и борьбы с французами. Созданная внутри расовой парадигмы, эта память питала желание кровавой мести, которое вылилась в поголовное истребление оставшегося на острове белого населения. В конечном итоге, не приведя ни к демократии, ни к сглаживанию напряжения с бывшей метрополией, независимость Гаити зафиксировала результат смены расовых элит, не изменив существенно условия жизни для большей части населения.

К смене элиты привела и другая революция, серией восстаний прошедшей по огромным испанским владениям в Южной и Центральной Америке. Их отправной точкой стала оккупация Испании и Португалии войсками Наполеона в 1807 году. Первоначально, правда, взявшие в свои руки власть в колониях, хунты – комитеты и локальные правительства – оставались лояльными монархии в надежде на долгожданные реформы в социальной и политической жизни континента. Фердинанд VII, король Испании, вернувшийся на трон в 1814 году, не оправдал их надежд, что привело к открытому неповиновению и войнам с колониальной администрацией, поставившими крест на испанском присутствии на большей части своей латиноамериканской империи.

К началу 19 века, на территории, контролируемой Испанией и Португалией, проживало около 17 миллионов человек. Большинство из них были индейцами или потомками от смешанных браков – касты. Пятую часть составляли белые, представленные как переселившиеся из Европы пенинсуларес, так и рожденными в Америке креолами. Большим, особенно в Бразилии и Мексике (Новой Испании), было и черное население.

Все эти группы жили в состоянии напряженного перемирия. В конце 18 века в Перу вспыхнуло восстание индейцев-кечуа, провозгласивших восстановление инкского государства. Частыми были выступления рабов в Бразилии.

Конфликты, правда пока без насилия, происходили и среди белого населения. Экономически успешным креолам претила политическая атмосфера континента, в которой высшая власть продолжала находиться в руках урожденных Европейцев. Вдохновленные идеями Просвещения, креолы требовали большего для себя участия во внутренних делах колоний; наличие собственности, а не факт рождения, должен был стать главным фактором в определении принадлежности к колониальной элите.

Вместе с тем, из восстаний, приведших к появлению США в 1783 году и Гаити в 1804 году, креолы извлекли важные уроки. Американская Революция продемонстрировала возможность создания государства, руководимого рожденными в Америке белыми переселенцами. Кровавые события в Гаити, с другой стороны, стали доказательством опасности проведения

социальных экспериментов. Таким образом, политическая революция, изменив строй, не должна была стать поводом для основательного изменения общественного статуса-кво.

Начавшись в 1810 году, движение к независимости ускорило свой ход после Наполеоновских войн с высылкой испанцами армии в колонии с целью наведения там порядка. На первых порах казалось, что корона достигнет своего, но с 1816 года фортуна ей изменила. Креолы, окончательно разочаровавшись в Бурбонах, начали организовывать отряды для борьбы с метрополией. Руководимые талантливыми военачальниками – такими как Хосе де Сан Мартин в Чили, и Симон Боливар в Новой Гранаде – они сумели изгнать испанцев с большей части континента. Ситуация в Мексике была более сложной, но и здесь креолам удалось создать некую видимость компромисса с различными слоями населения (духовенством, индейцами, освобожденными рабами) и объявить о создании нового государства в 1821 году. Боевые действия продолжались еще несколько лет, но уже к 1828 году от некогда обширной Испанской империи в Западном полушарии остались лишь Куба и Пуэрто-Рико.

Если не считать восстания рабов в 1814 году, обретение Бразилией независимости от Португалии произошло относительно бескровно. Здесь, после оккупации Португалии Францией в 1807 году обосновались представители королевской династии Браганза. Однако, когда пришла пора возвращаться, один из сыновей короля, Дон Педро, отказался покидать огромную колонию, объявив себя главой Бразильской империи. Благодаря своим реформистским планам, он нашел поддержку у белого креольского меньшинства, заключившего тем самым с монархией неписаный социальный контракт.

Между 1810 и 1830 годами в Западном полушарии появилось 12 новых государств. Это шло вразрез с планами того же Симона Боливара, прозванного «Либертадор» – освободителем, и желавшего увидеть на месте колоний нечто, напоминающее североамериканские Соединенные штаты. Несмотря на общность языка и религии, за триста лет испанского владычества, у элит и населения развилось чувство локальной идентичности – жители Перу ощущали себя отличными от чилийцев, мексиканцы не видели родства со своими южными соседями, и т. д. Два конфедеративных государства – боливаровская Великая Колумбия и Соединенные провинции Центральной Америки – распались на составные части в течении одного поколения. К 1840 году карта Латинской Америки приобрела более или менее современную форму.

Тем самым, с «картографической точки» зрения, революции в Западном полушарии привели к результатам, противоположным тем, что наблюдались в Европе. Полтора десятка новых государственных образований контрастировали с частичным восстановлением границ на Европейском континенте по состоянию на 1792 год. Социальные изменения оказались везде очень сложными. За период с 1775 года по 1830 год старые феодальные элиты были замещены новыми элитами; даже там, где, казалось, старая элита сумела вернуть себе власть, ее представители не могли не понимать, что управлять по правилам старого режима, без привлечения буржуазии, в пост-революционных условиях стало невозможным.

Независимо от того, в каких отношениях находились представители элит, как в Европе, так и в Америке были группы людей, считавших, что великие потрясения последних десятилетий так и не достигли желаемого результата. Так, сторонникам национального освобождения факт существования многонациональных империй казался необоснованным как ни с исторической, так ни с этической позиции. Социалисты, вторя Руссо, Бабефу и Сен Симону, видели высшую несправедливость в сохранении текущих собственнических отношений. Классы, занимающие нижние ступени общественной иерархии – рабочие в индустриализирующейся Англии, или представители коренного населения в Мексике – воспринимали ограничения на участие в политической жизни как измену высоким идеалам свободы и равенства.

Одним словом, далеко не все считали революции завершенными.